

ный бессмертный батальон (полковник Власов), 1-й кадровый полк (полковник Беренс), сотни 11- и 17-го оренбургских казачьих полков с пулеметными командами (полковники Сукин и Кручинин), сотни Петропавловского конного дивизиона и гарнизонная караульная команда (штабс-капитан Алексеев). Части произвели на Р. Гайдю отличное впечатление, и их командирам была объявлена благодарность. 23 марта Р. Гайда приказал сформировать 2-й Сводный корпус. Основу его составили: Воткинская стрелковая дивизия, 1-й кадровый екатеринбургский полк (развертываемый в три полка), бессмертный ударный батальон (развертываемый в полк). Корпусу придавался Екатеринбургский уланский полк 1-й кавалерийской дивизии.

В исторической литературе встречаются утверждения, что в Удмуртии, наряду с Ижевской и Воткинской дивизиями, из повстанцев была сформирована Сарапульская дивизия. Архивные документы свидетельствуют, что эта воинская часть создана 3 апреля 1919 г. из сформированных в Екатеринбурге кадрового полка и ударного бессмертного батальона. Вместе с Воткинской Сарапульская дивизия составила 5-й армейский корпус. Правда, через несколько дней ударный бессмертный батальон, ставший к тому времени полком, был выведен из состава Сарапульской дивизии и оставлен в непосредственном подчинении Р. Гайды. А Сарапульскую дивизию перевели для доукомплектования в Тюмень. Таким образом, высказывания о формировании Сарапульской дивизии из повстанцев Ижевско-Воткинского района ошибочны.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Екатеринбург занимал в военном отношении важное место в стратегических планах А. В. Колчака. Подтверждает это и пятикратное посещение города в 1918–1919 гг. Верховным правителем России.

П. И. Костогрызов, О. Г. Попова
Уральский государственный университет

Вопрос о начале гражданской войны в России в современной историографии

Тема гражданской войны всегда привлекала внимание исследователей и считалась наиболее изученной в отечественной истории. Ей посвящено 17 тыс. книг и статей. Многочисленные труды содержали немало ценного материала, но отличались односторонностью и тенденциозностью. В конце 80-х – начале 90-х гг. вырос интерес к истории гражданской войны в России. Обусловлено это двумя аспектами: во-первых, процесс переосмысления трагических событий 1917–1922 гг. происходил в пери-

од не менее резкого перелома в историческом развитии страны, когда в условиях национальной и социальной напряженности возникла угроза новой гражданской войны; во-вторых, кризисом современной отечественной историографии и крушением прежних теоретических схем и концепций. В дискуссии, развернувшейся на страницах периодической печати и научных журналов, приняли участие ведущие исследователи – Ю. А. Поляков, Л. М. Спирин, Ю. И. Кораблев, Е. Г. Гимпельсон, Г. З. Иоффе, В. Д. Поликарпов и др.

В истории гражданской войны одним из наиболее острых и дискуссионных остается вопрос о ее начале. За рассуждениями о точке отсчета просматривается скрытый вопрос об ответственности за развязывание гражданской войны. Указанная проблема обсуждалась на встрече за “круглым столом”, состоявшейся в марте–апреле 1992 г. в Институте российской истории РАН. По мнению Ю. В. Шарапова и А. И. Зевелева, сама постановка вопроса “Кто виноват?” – является с научной точки зрения некорректной, поскольку ответ зависит от политической симпатии или антипатии. В. П. Дмитриенко отметил, что стало модно во всех грехах обвинять исключительно большевиков, и поставил риторический вопрос: “Разве могли бы они прийти к власти без определенной социальной поддержки, достаточно мощной и динамичной?” А. Г. Кавтарадзе призвал отказаться от одностороннего и упрощенного взгляда на эту проблему, поскольку такая постановка предполагает два взаимоисключающих ответа: или белые, или красные. Некоторые исследователи расширили эту формулу: виноваты обе стороны. Кавтарадзе по этому поводу заметил, что “с тем же основанием можно считать, что никто не виноват, а виноваты история, география, объективные обстоятельства, историческое время и т.д.” Необходимо учитывать на основе объективного анализа роль в генезисе гражданской войны всех исторических фактов, не абсолютизируя какой-либо из них.

В вопросе датировки начала гражданской войны участники дискуссии не были столь единодушны. А. Ю. Поляков в докладе “Гражданская война в России: возникновение и эскалация” подчеркнул, что от этого вопроса “зависит сама концепция гражданской войны”, что проблема установления времени начала войны является принципиальной для понимания ее сущности и особенности.

Традиционно советская историография принимала за точку отсчета гражданской войны лето 1918 г. (мятеж чехословацкого корпуса, образование антисоветских правительств в Поволжье, на Севере, в Сибири). Вина за развязывание конфликта возлагалась целиком на антибольшевистские силы, правящие круги Антанты. Эта концепция нашла отражение в энциклопедии “Гражданская война и военная интервенция в СССР”, изданной в 1987 г. Ю. И. Кораблев писал в 1989 г. в статье “Гражданская война в 1918–1920 годах: новые подходы”, что с лета 1918 г. “военный

вопрос стал главным, коренным вопросом, от решения которого зависела судьба революции...” По мнению В. И. Миллера, “решению военных проблем была подчинена вся жизнь в стране”, начиная с лета 1918 г.

Сторонники второй точки зрения считают, что гражданская война началась в октябре 1917 г. после захвата большевиками государственной власти. Эта мысль проходит “красной нитью” через исследование Ю. Д. Поликарпова “Начальный этап гражданской войны”. Среди участников дискуссии данную точку зрения отстаивал Е. Г. Гимпельсон, который утверждал, что “именно Октябрьская революция непосредственно вовлекла Россию в гражданскую войну, явилась ее началом и дальнейшей предпосылкой ее развертывания”. Эту мысль развил в своем выступлении Г. З. Иоффе. Он показал, что “гражданская война была результатом борьбы за власть, развязанной политическими структурами ... решающий шаг сделал Октябрь, а народ вместо мира получил многолетнюю гражданскую войну”.

Еще одна группа участников дискуссии выводит гражданскую войну из Февральско-мартовской революции, которую Ю. А. Поляков назвал “прологом гражданской войны”. Он подчеркнул мысль о неразрывной связи революции и гражданской войны. О том, что революция и насильственное свержение старого строя есть форма гражданской войны. По мнению Ю. А. Полякова, именно Февраль положил начало гражданской войне в России, “обнажив и обострив классовые противоречия, развязав насилие, пролив первую – и немалую кровь”. А. И. Зевелев считает, что истоки гражданской войны порождены империалистической войной, поэтому “начальный период гражданской войны в масштабах всей страны необходимо отнести к Февральско-мартовской революции, когда вооруженным путем был сметен царский режим”. Эта точка зрения не нова, она нашла отражение в исторической литературе 30-х гг., в частности, в многотомной истории гражданской войны повествование начинается с мировой войны и Февральской революции.

Среди современных исследователей существуют другие мнения по вопросу о начале гражданской войны в России: Ю. И. Игрицкий называет осень 1918 г., когда “сложилось масштабное и непрерывное противостояние красных и белых армий”; В. И. Петров считает, что в середине февраля 1918 г., когда нападение кайзеровской Германии и Австро-Венгрии привело к активизации антисоветских сил”; Л. М. Спирин выделяет две гражданские войны: первая, развязанная большевиками, началась летом 1917 и закончилась Октябрем, вторая – с Октябрьской революции по 1922 г. Но эти точки зрения менее аргументированы, поэтому выглядят неубедительно. Ю. И. Игрицкий отмечает – особенность современных дискуссий в том, что “цепочка предполагаемых дат приобрела импульс тянуться все глубже и глубже в историческую ретроспекцию: осень 1918 г. – лето 1918 г. – весна 1918 г. – разгон Учредительного собрания –

мятеж Каледина – октябрь 1917 – август 1917 г. – Февральская революция – революция – революционная ситуация начала XX в. И первая российская революция...” Г. З. Иоффе убедительно возразил, что если считать началом гражданской войны Февраль и события 1905–1907 гг., то “выходит, что Россия чуть ли не перманентно находилась в состоянии гражданской войны”.

Часть ученых, например, В. П. Наумов, считают “определение конкретной даты гражданской войны ... пустым делом и проявлением догматизма в мышлении”. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, поскольку определение одной, “единственно верной” для всех обязательной даты, является догматизированием, вместе с тем каждый исследователь сталкивается с необходимостью такого определения. Чтобы выработать концептуальный подход в изучении гражданской войны.

Ю. М. Котов

Уральский государственный университет

Военные действия в Чечне и российские средства массовой информации

Военные действия России в Чечне создали прецедент не только борьбы российской армии с населением Российской Федерации, но и противостояния властных структур и средств массовой информации.

Получившие доступ к зоне военных действий журналисты оказались в положении “игры без правил”. С одной стороны, юридическим нюансом является то, что на территории Чечни не было объявлено ни военное, ни чрезвычайное положение, но на протяжении нескольких лет активно велись военные действия регулярной армией России. Для журналистов такое положение дел означало, что в Чечне в полном объеме действуют положения Конституции, посвященные правам и свободам человека, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Но постановлением Правительства “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и прилегающих к ней регионах Северного Кавказа “был создан новый, не предусмотренный действующим законодательством правовой режим, сходный по содержанию с режимом чрезвычайного положения и предусматривающий существенные ограничения прав и свобод человека.

Российские и иностранные журналисты оказались в ситуации, когда рядом подзаконных нормативных актов действие ряда статей Конститу-